

Научная статья
УДК 343.851.3
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-179-190>

Андрей Борисович Кирюхин
кандидат юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0009-0009-6448-4917>, kab010106@mail.ru

*Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Российская Федерация, 117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12*

Уголовно-правовые меры специальной профилактики насильственных посягательств и их реализация полицией при межотраслевой конкуренции права

Аннотация: Введение. В статье рассматриваются вопросы эффективности одного из направлений деятельности полиции в сфере специальной профилактики правонарушений – пресечения наиболее опасных насильственных посягательств, причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, посредством применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Отсутствие согласованности в правовом регулировании, в частности, условий правомерности необходимой обороны в Уголовном кодексе Российской Федерации и Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» приводит к межотраслевой конкуренции не противоречащих друг другу норм различных отраслей права, регулирующих родственные общественные отношения в сфере защиты личности и прав обороняющегося или других лиц, но – с разной степенью конкретизации правового предписания. В ряде случаев создавшееся положение ведет к снижению эффективности защиты личности от насильственных посягательств, наступлению возможных негативных последствий для личной безопасности самого представителя власти, находящегося под защитой государства от правового произвола и судебных ошибок. **Методы.** Методологическую основу исследования составили универсальные положения диалектического метода познания, а также общенаучные и частнонаучные методы (анализа и синтеза; сравнительно-правовой; формально-логический; системный подход и контент-анализ). **Результаты.** На примере применения сотрудниками полиции уголовно-правовых мер специальной профилактики насильственных правонарушений в ситуациях необходимой обороны и ряда других обстоятельств, исключающих преступность деяния, сформулированы основные задачи по снижению отрицательного эффекта межотраслевой конкуренции уголовного и судебного законодательства.

Ключевые слова: насильственные посягательства, полиция, меры специальной профилактики, необходимая оборона, конкуренция права

Для цитирования: Кирюхин А. Б. Уголовно-правовые меры специальной профилактики насильственных посягательств и их реализация полицией при межотраслевой конкуренции права // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 179–190; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-179-190>.

Original article

Andrey B. Kiryukhin
Cand. Sci. (Jurid.), Docent
<https://orcid.org/0009-0009-6448-4917>, kab010106@mail.ru

*Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot
12, Academician Volgina str., Moscow, 117437, Russian Federation*

Criminal-legal measures of special prevention of violent encroachments and their realisation by the police at interbranch law competition

Abstract: Introduction. The article deals with the issues of effectiveness of one of the directions of police activity in the sphere of special prevention of offences – the suppression of the most dangerous violent encroachments, infliction of harm when apprehending a person having committed a crime, through the use of physical force, special means and firearms by police officers. The lack of consistency in legal regulation, in particular, in the conditions of legality of necessary defence in the Criminal Code of the Russian Federation and the Federal Law of 7 February 2011 No.3 “On Police”, leads to interbranch competition of non-contradictory norms of different branches of law, regulating analogous social relations in the sphere of protection of a person and the rights of the defeated or other persons, but with a different degree of specification of the legal prescription. In a number of cases, the current situation leads to a decrease in the effectiveness of the protection of an individual from violent encroachments, the appearance of possible negative consequences for the personal safety of an official himself protected by the state from legal injustice and court errors. **Methods and Results.** Based on the ideas on the dialectical connection between the state policy in the sphere of counteraction to crime and criminal law, the author critically assesses the system of legal regulation of the use of measures of special prevention of violent offences on the example of the use of firearms by police officers in the situation of necessary defence. With the use of axiological, logical-legal methods and content analysis the author’s variant of comprehensive approach to improving the mechanism of counteraction to violent offences through criminal-legal measures is given. This author’s alternative is brought for discussion by specialists of criminal-legal profile. **Keywords:** violent assaults, police, measures of special prevention, necessary defence, competition of law

For citation: Kiryukhin A. B. Criminal-legal measures of special prevention of violent encroachments and their realisation by the police at interbranch law competition // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 3 (103). – P. 179–190; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-179-190>.

Введение

Защита личности, профилактика и предупреждение насильственных правонарушений и преступлений являются одними из главных направлений внутренней политики государства в сфере противодействия насильственной преступности. Субстанциональные цели этой политики вполне отвечают положениям теории стратегического управления и потому сформулированы предельно абстрактно – обеспечение безопасности личности, оптимизация вреда, причиненного объектам уголовно-правовой охраны, снижение показателей насильственной преступности и удержание ее на минимальном уровне. Такую абстракцию не стоит воспринимать критически. Напротив, она объективно необходима, поскольку представляет собой рациональную предпосылку конструктивного решения широкого спектра задач по обеспечению безопасности личности. Результатом реализации поставленных целей должно стать удовлетворение одной из основных потребностей личности – быть уверенным в максимальной защите своих основных прав и свобод от возможных угроз и опасностей современного общества. Выражая приоритет личности как объекта права, ее защита выходит далеко за границы только уголовно-правовой охраны, представляя собой одно из основных направлений внутренней политики государства в сфере профилактики правонарушений и предупреждения совершения преступлений [1, с. 105].

В отличие от целей, практические задачи политики в сфере обеспечения личной безопасности сформулированы предельно конкретно и в целом заключаются в разработке и реализации стратегии (генеральной линии) комплексного профессионального воздействия на насильственную преступность, ее производные, на самого насильника и его жертву посредством имеющихся в обществе и государстве ресурсов (финансовых, экономических, кадровых, правовых, интеллектуальных, информационных, управленческих, культурных и других), а также – наиболее эффективных общесоциальных и специальных профилактических мер. Вполне закономерно, что в основе этой стратегии – единая политика

государства в сфере противодействия всей преступности, сформированная единой правовой идеологией, носителями и выразителями которой являются, прежде всего, институты публичной власти [2, с. 13–25].

Определенным результатом взаимного влияния правовой идеологии и уголовной политики государства стало фактическое изменение всем хорошо известной лексики – «борьба с преступностью» – на иную, более правильную по широте своего содержания, формулировку – «противодействие преступности», что предполагает участие в этой деятельности широкого круга уполномоченных субъектов [3, с. 40–49]. В их числе особый субъект – Министерство внутренних дел Российской Федерации – федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной идеологии и политики, нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел¹. Особый потому, что профилактика насильственных правонарушений, предупреждение и пресечение насильственных преступлений составляют одно из главных, стратегических направлений деятельности МВД России, цель которой – обеспечение безопасности личности и общества в целом от разного рода угроз. Нет сомнения в том, что центральное место в реализации этой цели, разработке тактических приемов противодействия насильственной преступности принадлежит органам внутренних дел, поскольку именно они имеют возможность проводить криминологическую профилактику на самых подступах к преступлению, в самом начале действия криминогенных факторов [4, с. 1–5]. От качества и оперативности решения стоящих перед органами внутренних дел задач зависит практическая реализация основных направлений, форм и методов профилактики насильственных правонарушений полицией – составной части единой централизованной системы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, главное назначение которой – защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан, противодействие преступности, охрана общественного порядка, собственности и обеспечение общественной безопасности. Полиция, в силу специфики своего назначения, обладает наиболее полной информацией о криминогенных факторах и потому обязана незамедлительно приходить «на помощь каждому, кто нуждается в ее защите от преступных и иных противоправных посягательств»². От качества деятельности полиции зависят не только безопасность человека, комфортные условия его существования, но также безопасность и нравственное состояние всего общества [5, с. 267–269]. Более того, актуальность обеспечения безопасности человека значительно возрастает в периоды радикальных социальных, политических и экономических перемен, затрагивающих все сферы общественной жизни и подчас приводящих к росту социальной напряженности и конфликтности, к возрастанию роли насилия как средства осуществления влияния «на других» [6, с. 47].

Профилактическая деятельность полиции в целом базируется на достаточно прочных юридических основаниях, содержащихся в различных источниках нормативного права, а также в ведомственных нормативных правовых актах. Даже простое перечисление различных источников формирует убеждение в «теоретическом насыщении» механизма правового регулирования профилактической деятельности полиции всей совокупностью юридически значимых средств, необходимых для эффективного решения поставленных задач [7, с. 68–70]. И прежде всего – четким определением субъективных пределов индивидуальной профилактики насильственных правонарушений, то есть – границ предмета правового регулирования, сферы определенных общественных отношений [8, с. 3–9]. Именно на этой основе формируются правовая (идеологическая) ориентация самих сотрудников полиции и механизм реализации Концепции «прав человека» в правоохранительной деятельности полиции [9, с. 35]. И если отраслевые законы и нормативные правовые акты МВД России достаточно подробно регламентируют полномочия, права и обязанности субъектов в сфере общей профилактики насильственных правонарушений, то основания и порядок применения сотрудниками полиции специальных мер профилактики требуют своего уточнения.

Методы

Методологическую основу работы составляет диалектический метод познания, который позволил оценить эффективность реализации мер специальной профилактики насильственных правонарушений при межотраслевой конкуренции права. Исследование

¹ Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 (ред. от 05.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 2016. – № 52 (ч. V). – Ст. 7614.

² О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

опирается на системный подход, общенаучные методы (прежде всего анализа и синтеза); специальные методы: сравнительно-правовой и формально-юридический, а также метод контент-анализа.

Результаты

По смыслу Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»³, отнесение ряда мер профилактики к специальным свидетельствует об их особом характере, исключительности, предназначенности только для определенных случаев⁴. Эти меры применяются «субъектами профилактики правонарушений и их должностными лицами при выявлении правонарушений либо причин и условий, способствующих их совершению, а также лиц, поведение которых носит противоправный или антиобщественный характер, или лиц, намеревающихся совершить правонарушение»⁵ (ст. 16). Основание для применения специальных мер профилактики, порядок их применения определяется законодательством Российской Федерации.

Особое место в системе специальных мер профилактики отведено крайним мерам правового реагирования – мерам пресечения наиболее опасных насильственных посягательств, задержания виновных лиц посредством применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия (гл. 5 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»). Действия сотрудников полиции, причиняющие правомерный вред объектам уголовно-правовой охраны, связаны в большинстве случаев с реализацией права на необходимую оборону и причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании. При этом требования уголовного закона, изложенные применительно к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, вполне информативны, обращены ко всем без исключения лицам, независимо от профессиональной или иной подготовки и служебного положения (ч. 3 ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации⁶ (далее – УК РФ)). Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ о полиции) закрепляет право сотрудников полиции на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия лично или в составе подразделения (группы) (ст. 18), детально регламентирует основания и порядок применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия (ст. 23).

Казалось бы, законодательством предельно учтены все возможные ситуации правомерного причинения вреда применением огнестрельного оружия в условиях необходимой обороны; коллизия и конкуренция норм различных отраслей права, регулирующих смежные правоотношения, с учетом важности решаемой задачи, в этом случае исключаются. Однако это не совсем так. Отсутствие согласованности в правовом регулировании условий правомерности необходимой обороны в различных отраслях права в ряде случаев приводит к тому, что в условиях, когда требуется применить огнестрельное оружие для отражения посягательства на жертву или самого представителя власти, порой даже опытные сотрудники полиции не всегда проявляют необходимую решительность, уклоняясь от его применения [10]. Основной мотив такого поведения – опасение обвинительного уклона в правовой оценке своих действий и наступления возможных негативных последствий для личной безопасности представителя власти, находящегося под защитой государства от правового произвола и судебных ошибок [11, с. 190]. Ведущая причина такого опасения – дефект содержания нормативно правового регулирования применения оружия в качестве меры уголовного-правового противодействия совершению насильственного посягательства, имеющего место в положениях ст. 37 УК РФ и ст. 23 ФЗ о полиции. Дефект, который, на первый взгляд, кажется не слишком значительным, но, в любом случае, выступает причиной несовершенства нормативного правового акта, нейтрализовать который крайне сложно или даже невозможно в чрезвычайных для рядового сотрудника условиях. Несомненно также и то, что любые дефекты закона влекут последствия, прямо противоположные целям его принятия [12].

Действующее уголовное законодательство обоснованность применения огнестрельного оружия при необходимой обороне ставит в зависимость от характера и степени опасности посягательства. Правовая идея вполне понятна – чем опаснее посягательство, тем более

³ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // СЗ РФ. – 2016. – № 26 (ч. I). – Ст. 3851.

⁴ Дашиева А. Д. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика истязания и его предупреждение (по материалам Восточно-Сибирского региона) : дис ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2009. – С. 164.

⁵ Там же.

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

радикальными могут быть оборонительные действия. Если посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни сотрудника полиции или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия (ч. 1 ст. 37 УК РФ), у обороняющегося есть все основания для применения огнестрельного оружия на поражение, в т. ч. влекущего за собой смерть посягающего. При этом, применение сотрудником полиции огнестрельного оружия должно быть согласовано с требованиями ФЗ о полиции, который расширяет условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к посягательству: «Сотрудник полиции имеет право применять огнестрельное оружие ... для защиты другого лица либо себя от посягательства, если это посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни или здоровья» (п. 1 ст. 23).

Казалось бы, дополнение нормы закона признаком «насилие, опасное для здоровья» – незначительное, неспособное существенным образом повлиять на правовую оценку действий, совершенных в состоянии необходимой обороны. Однако это только на первый взгляд. В части 2 ст. 37 УК РФ определено требование соблюдения пределов необходимой обороны в случае совершения иного общественно опасного посягательства, помимо указанного в ч. 1: «Защита от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, то есть умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства»⁷. Таким образом, уголовный закон ограничивает «абсолютную» оборону определенными пределами в случае, если насилие не представляет опасности для жизни обороняющегося или другого лица. В конечном итоге мы имеем конкуренцию двух не противоречащих друг другу норм, регулирующих родственные общественные отношения в сфере защиты личности и прав обороняющегося или других лиц, но – с разной степенью конкретизации правового предписания [13, с. 10–16].

Абсолютно ясно, что всякая конкуренция правовых норм рано или поздно завершается ее устранением путем принятия определенного решения и его исполнения. В рассматриваемом случае правильное решение находится в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: «Общественно опасное посягательство, сопряженное с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, представляет собой деяние, которое в момент его совершения создавало реальную опасность для жизни обороняющегося или другого лица. О наличии такого посягательства могут свидетельствовать, в частности: причинение вреда здоровью, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (например, ранения жизненно важных органов)...»⁸ (п. 5). Однако ясно (даже без принятия участия в дискуссии о юридической силе постановлений Пленума Верховного Суда) и другое – вопрос о соотношении нормативного содержания уголовного законодательства с нормами неуголовного законодательства и, в частности, (что особенно актуально для деятельности полиции) – нормами служебного законодательства выходит за границы криминологической науки и составляет предмет науки уголовного права. Решение этого вопроса находится полностью в сфере уголовного правотворчества, на что в свое время обратил внимание В. В. Лунеев, писавший: «В этой-то уголовно-правовой материи и сосредоточены основные понятийные трудности» [14, с. 400].

Одним из вариантов решения должна стать нейтрализация законодательного дисбаланса между уголовным и служебным законодательством, а также унификация понятийного аппарата тех уголовно-правовых норм, которые определяют институт насильственных преступлений. Для этого необходимо, во-первых, устранить конкуренцию между положениями о необходимой обороне (ч. 1 ст. 37 УК РФ) и основаниями применения оружия (ст. 23 ФЗ о полиции), увеличив объем содержания диспозиции статьи уголовного закона введением в нее нового признака – с насилием, опасным для жизни или здоровья обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

Во-вторых, без унификации понятийного аппарата насилия как способа совершения преступления невозможно добиться эффективного применения полицией мер специальной профилактики насильственных посягательств. В этой связи не потерял своей актуальности

⁷ СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» (ред. от 31.05.2022) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 11.

вывод Н. Ф. Кузнецовой, сделанный несколько десятилетий назад: «Эффективность закона зависит от четкости, логичности и грамотности его языка» [15]. Цели такой унификации вполне утилитарные: устранение терминологической путаницы уголовного закона (в общей сложности, в нормах особенной части УК РФ используется более двух десятков различных по содержанию и смыслу понятий, служащих для обозначения насильственного способа совершения преступления); двусмысленности в толковании закона; неоднозначности в понимании и трактовке основных терминов – т. е., всего того, что, в совокупности, оказывает отрицательное влияние не только на правовую оценку самого насильственного деяния, но и на эффективность деятельности субъектов профилактики насильственных правонарушений. Согласимся с тем, что правильные «Юридические термины избавляют законодателя от излишних определений, описаний, характеристик тех или иных явлений общественной жизни»⁹.

В связи с этим глубоко заблуждается тот, кто думает, что специальная юридическая терминология должна быть понятна только узкому кругу высокопрофессиональных специалистов. При таком подходе практически невозможно требовать от того же сотрудника полиции (не говоря уже о рядовом гражданине) правильного понимания уголовного закона и его реализации в сложной для сотрудника психологической ситуации применения оружия. Следует также учитывать, что далеко не каждый сотрудник обладает необходимым комплексом юридических знаний и профессиональным опытом, особенно, если он недавно поступил на службу в полицию и прослушал лишь небольшой курс правовой подготовки в специализированном профессиональном центре. По этой причине опасения сотрудников полиции в том, что в случае применения ими оружия или специальных средств они будут привлечены к уголовной ответственности за нарушение законодательства о необходимой обороне (и не только этого) далеко не беспочвенны, поскольку некоторые из них имеют весьма слабое представление об уголовном, а порой – и служебном законодательстве и их практическом применении.

Всем хорошо известен один из принципов права, ставший со временем расхожим выражением: «Незнание закона не освобождает от ответственности». Конечно, в иных случаях можно подискутировать о том, есть ли основания для ответственности при нарушении «специального» закона, но это, как уже сказано, иные случаи. В нашем же случае речь идет о содержании уголовного законодательства, которое не должно иметь двойственного характера понимания общих предписаний. Можно сколько угодно принимать новых приказов, ведомственных положений и инструкций, совершенствовать служебное законодательство, но без смысловой однозначности уголовно-правовой терминологии закон не в состоянии выполнять основную свою функцию – последовательно превращать правовую возможность в реальность правоприменения, служить инструментом общего и специального предупреждения насильственных преступлений (и не только их). Как образно выразился известный теоретик права Ю. А. Тихомиров: «Реальность права – в его действии, реализации, развитии, защите и обновлении. Пока же здесь сделано мало, ибо пафос правотворчества затмил весь правовой горизонт» [16, с. 378]. И, видимо, это проблема не только современной российской правовой действительности. Схожие мысли у французского юриста А. Гарапона, полагающего, что в «законоцентричной» концепции права пробита брешь, а в роли тарана выступили два разных по природе, но взаимодействующих друг с другом явления: это, с одной стороны, обесценивание текстов законов, мало подходящих к изменчивому содержанию реальной жизни, и интеграция государств в наднациональное политическое сообщество, с другой» [17, с. 41].

В-третьих, было бы неправильно винить во всех проблемах практического правоприменения недостатки одного лишь уголовного законодательства или Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»¹⁰. Профилактике как таковой, не говоря уже о профилактике насильственных правонарушений, недостаточно уделяется внимания в программах подготовки сотрудников полиции на разных этапах получения ими профессионального образования. Многие сотрудники имеют весьма слабое представление о том, что вообще из себя представляет профилактика, чем она отличается от предупреждения, и наоборот. Е. Ю. Титушкина и В. Ф. Цепелев приводят пример со слушателями, обучающимися в Академии управления МВД России (т. е. они – не рядовые сотрудники, а настоящие и будущие руководители органов внутренних дел), которые на вопрос: «Известен ли им Федеральный закон “Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации”?» – чаще отвечают: «Нет», чем: «Да» [18, с. 152].

⁹ Бабаев В. К. Советское право как логическая система : учебное пособие. – Москва: Академия МВД СССР, 1978. – С. 142.

¹⁰ СЗ РФ. – 2016. – № 26 (ч. I). – Ст. 3851.

Можно только догадываться, какой тогда уровень правовых знаний у подчиненных им сотрудников.

Приведем схожий пример уже из нашей практики. Обучающихся на курсах повышения квалификации и переподготовки сотрудников (оперуполномоченные оперативных подразделений полиции; должностные лица подразделений организации: дознания; охраны общественного порядка; деятельности участковых; организации применения административного законодательства; личный состав дежурных частей и др.) попросили дать правовую оценку лишению жизни посягающего лица в ситуации необходимой обороны, когда у обороняющегося была возможность избежать посягательства или обратиться за помощью к органам власти. Около 40 % ответивших усмотрели в содеянном признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 108 УК РФ (убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны).

В этой связи приведение правовой подготовки сотрудников полиции к практической составляющей профессионального обучения возможно только в том случае, когда практическая юриспруденция находит свое теоретическое основание, прежде всего, в теории профилактики правонарушений. А в этой области, как раз, ощутимо чувствуется дефицит нормативного закрепления требований, определяющих содержание профессиональной подготовки.

Один из вариантов повышения эффективности профессиональной подготовки – объединить все основные задачи такой подготовки в единый комплекс, включающий в себя принципы, цели и требования к профессиональной подготовке, стандарты подготовки, а также ряд других концептуальных вопросов. Компетентностно-ориентированные задачи профессиональной подготовки должны определять ориентацию каждого сотрудника на достижение личных профессиональных результатов путем овладения знаниями, умениями и навыками по правовым, социально-гуманитарным и другим профессиональным вопросам. Практико-ориентированные (специальные) задачи призваны обеспечить готовность к выполнению оперативно-служебных задач, к действиям в условиях сложной оперативной обстановки, к противодействию преступлениям посредством профилактики, предупреждения правонарушений и преступлений, и их пресечения. Наконец, функциональные задачи такой подготовки необходимы для совершенствования полученных сотрудниками профессиональных знаний, умений и навыков, приведения их в соответствие требованиям штатно-должностных категорий.

Обсуждение

Будет методологической ошибкой обсуждать предложения по повышению эффективности уголовно-правовых мер специальной профилактики насильственных посягательств, реализуемых полицией при межотраслевой конкуренции права, без обращения внимания на весь спектр актуальных проблем применения сотрудником полиции огнестрельного оружия в целях противодействия преступному насилию.

Как уже говорилось, правовой основой применения оружия выступают положения закона о необходимой обороне (ст. 37 УК РФ). Иные уголовно-правовые основания для применения оружия предусмотрены нормами, регламентирующими ряд обстоятельств, включающих преступность деяния: причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ); крайняя необходимость (ст. 39 УК РФ); физическое или психическое принуждение (ст. 40 УК РФ); обоснованный риск и исполнение приказа или распоряжения (ст. 41–42 УК РФ). Кроме того, основания и порядок применения огнестрельного оружия военнослужащими федеральной службы безопасности и государственной охраны, войск национальной гвардии и сотрудниками уголовно-исполнительной системы регламентируются отдельными федеральными законами: от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности»¹¹; от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»¹²; от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране»¹³, от 1 октября 2019 года № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁴.

¹¹ О федеральной службе безопасности : Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ (ред. от 26.02.2024) // СЗ РФ. – 1995. – № 15. – Ст. 1269.

¹² О войсках национальной гвардии Российской Федерации : Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. – 2016. – № 27 (ч. I). – Ст. 4159.

¹³ О государственной охране : Федеральный закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. – 1996. – № 22. – Ст. 2594.

¹⁴ О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ (ред. от 26.02.2024) // СЗ РФ. – 2019. – № 40. – Ст. 5488.

Не будем перечислять все основания применения огнестрельного оружия, которые исчерпывающим образом изложены в ст. 23 ФЗ о полиции и других законах, поскольку, в общих чертах, они схожи. Остановимся на запретах его применения сотрудниками полиции (ч. 5, 6 ст. 23). Сотруднику полиции запрещается применять огнестрельное оружие с производством выстрела на поражение «в отношении женщин, лиц с явными признаками инвалидности и несовершеннолетних, когда их возраст очевиден или известен сотруднику полиции, за исключением случаев оказания указанными лицами вооруженного сопротивления, совершения вооруженного либо группового нападения, угрожающего жизни и здоровью граждан или сотрудника полиции» (ч. 5 ст. 23). Из этого следует, что запрет не распространяется на случаи, когда сотрудник полиции обнажает огнестрельное оружие или приводит его в боевую готовность перед лицами, указанными в ч. 5 ст. 23, но при условии возникновения такой критической обстановки, которая неминуемо потребует его применения.

Закон лишает сотрудника полиции права (но не запрещает, как в иных случаях, перечисленных в ст. 23 ФЗ о полиции) применять огнестрельное оружие «при значительном скоплении граждан, если в результате его применения могут пострадать случайные лица» (ч. 6 ст. 23). Здесь важно отметить следующее – гибель случайного человека или причинение тяжкого вреда его здоровью не образуют преступления, совершенного при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление; содеянное в полной мере охватывается признаками превышения должностных полномочий, повлекших по неосторожности смерть потерпевшего или причинение тяжкого вреда его здоровью (ч. 5 ст. 286 УК РФ). Квалификация будет иной в случае наступления последствий в результате умышленных действий виновного – по совокупности с умышленными преступлениями против личности. Однако если сотрудник полиции полностью уверен в том, что такие последствия не наступят, он вправе применить огнестрельное оружие на поражение в качестве меры специальной профилактики насильственных посягательств, приняв все необходимые для этого меры предосторожности во избежание наступления такого рода последствий.

В этой связи, приходится констатировать наличие довольно серьезного несоответствия между правом на применение огнестрельного оружия, предоставленного сотрудникам полиции и военнослужащим Федеральной службы безопасности, государственной охраны, а также войск национальной гвардии Российской Федерации. В отличие от сотрудников полиции, последние вправе в исключительных случаях «в целях предотвращения (пресечения) террористического акта, освобождения заложников, отражения группового вооруженного нападения на критически важные и потенциально опасные объекты или объекты, здания, помещения, сооружения органов государственной власти» применять огнестрельное оружие даже при значительном скоплении людей (например, ст. 14.3 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности», ч. 5 ст. 21 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»). То есть, огнестрельное оружие вполне правомерно может применяться в указанных в законе целях и тогда, когда от этого могут пострадать случайные лица. В результате, сотрудник полиции в аналогичной ситуации оказывается в крайне уязвимом для себя состоянии, поскольку законность либо незаконность его действий (бездействия) будет оцениваться не с позиции закона, а с позиции того или иного должностного лица. В качестве примера представим ситуацию, в которой сотрудник полиции лицом к лицу встречается с вооруженным преступником. Последний, находясь в многолюдном месте, удерживает под угрозой оружия неизвестного. Абсолютно понятно, что этот неизвестный – заложник. Как поступить в этой ситуации сотруднику полиции – стоит ли ему, руководствуясь ФЗ о полиции, воздержаться от применения оружия на поражение при значительном скоплении людей или все же применить его, надеясь, что выстрел не заденет посторонних? И что вообще следует понимать под значительным скоплением людей? Сколько их должно быть – три, десять или более человек? В итоге, от быстрого и правильного решения этих вопросов зависят не только жизнь и здоровье заложника, но и, возможно, дальнейшая судьба самого сотрудника.

В этой связи полагаем, что давно назрела необходимость унификации всей системы служебного законодательства, регулирующего основания и порядок применения огнестрельного оружия, физической силы, специальных средств и служебных животных в качестве меры специальной профилактики насильственных преступлений.

Однако следует согласиться с тем, что не всякое нарушение сотрудниками полиции условий правомерности применения огнестрельного оружия должно обязательно влечь правовую ответственность. Например, ответственность может и не наступить, если содеянное рассматривать по правилам крайней необходимости (ст. 39 УК РФ), при условии, что угрожающая сотруднику опасность не могла быть устранена иными средствами, а наступивший вред менее значителен, чем предотвращенный. Но, как справедливо отмечают С. Ф. Милюков и В. Ф. Побегайло: «К сожалению, прекращение за отсутствием состава преступления уголовных дел на основании дифференцированной правовой оценки действий сотрудников правоохранительных органов, правомерно обороняющихся и нарушающих при этом в силу крайней необходимости правила применения оружия, в правоприменительной практике не встречается» [19].

Как показывает практика, в большинстве случаев (не менее 50 %) сотрудники полиции применяют огнестрельное оружие в качестве крайней меры для защиты гражданина или себя от насильственного посягательства, опасного для жизни или здоровья. Все это происходит в процессе пресечения тяжкого или особо тяжкого преступления или задержания лица, застигнутого при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления против личности и собственности, либо лица, оказывающего вооруженное сопротивление. Значительно реже оружие применяется в иных ситуациях, предусмотренных законом: при пресечении попытки завладения огнестрельным оружием, транспортным средством полиции, различной специальной и боевой техникой, состоящей на вооружении полиции; для освобождения заложников; для отражения группового или вооруженного нападения на объекты недвижимости; для пресечения побега из мест содержания под стражей или побега из-под конвоя и др.

Наступление уголовной ответственности за убийство или причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны (ст. 108, 114 УК РФ) возможно только в одном случае из перечисленных выше – если огнестрельное оружие применялось для защиты другого лица либо самого сотрудника полиции от насильственного посягательства, опасного для жизни или здоровья. Круг этих посягательств невелик и включает в себя покушение на убийство (в т. ч. при смягчающих обстоятельствах, а также убийства, предусмотренного специальными нормами уголовного закона) и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека (ст. 111 УК РФ). В последнем случае сотруднику полиции (как и любому человеку) особенно сложно установить признаки покушения, поскольку умышленное причинение вреда здоровью различной степени тяжести – это, как правило, уже окончательный итог совершенного посягательства; само же посягательство на здоровье чаще всего совершается с неконкретизированным умыслом, не позволяющим обороняющемуся четко осознавать характер применяемого против него насилия. Помощь в такой ситуации может оказать положение ФЗ о полиции, раскрывающее содержание понятий – «вооруженное сопротивление» и «вооруженное нападение» (ч. 2 ст. 23). Если сотруднику полиции по объективным причинам не ясен характер применяемого против него насилия, но в руках посягающего он явственно наблюдает оружие любого вида и типа или предметы, конструктивно схожие с оружием, то применение в такой ситуации огнестрельного оружия на поражение будет вполне обоснованным. Во всех иных случаях неправомерного применения сотрудником полиции огнестрельного оружия, повлекшего вред здоровью, смерть потерпевшего или наступление других тяжких последствий, ответственность наступает по ст. 286 УК РФ либо по совокупности нескольких статей уголовного закона.

В этой связи следует хорошо понимать, что нарушение уголовного законодательства о необходимой обороне не всегда является следствием предосудительного поведения самого сотрудника полиции или незнания им буквы закона. В обстановке необходимой обороны на сотрудника полиции оказывают существенное влияние различные факторы, и прежде всего – «дистресс» (чрезмерный стресс), вызванный самой ситуацией вынужденного применения оружия против человека, а также страх от вполне реальной возможности быть привлеченным к уголовной ответственности.

Очевидно, что проблема применения уголовно-правовых мер специальной профилактики насильственных посягательств и их реализация полицией при межотраслевой конкуренции права полностью не исчерпывается недостатками правового регулирования оснований и порядка применения огнестрельного оружия в условиях обстоятельств, исключающих преступность деяния. Эта проблема комплексная, масштабная и живучая. Надеемся, что рано или поздно она будет решена. Саму постановку проблемы следует рассматривать как определенный задел для ее последующего решения.

Заключение

В связи с изложенным представляется необходимым сформулировать ряд задач по повышению эффективности применения уголовно-правовых мер специальной профилактики насильственных посягательств полицией при межотраслевой конкуренции права:

- проведение дальнейших исследований фундаментальных основ обеспечения безопасности личности от насильственных посягательств, уточнение субъективных пределов индивидуальной профилактики насильственных правонарушений (границ предмета правового регулирования, сферы определенных общественных отношений), формирование правовой (идеологической) ориентации сотрудников полиции на реализацию Концепции «прав человека» в качестве приоритетной цели правоохранительной деятельности;
- активизация прогностических исследований эффективности применения мер специальной профилактики насильственных посягательств в деятельности полиции;
- унификация понятийного аппарата необходимой обороны и насилия в Общей и Особенной частях УК РФ в целях устранения терминологической путаницы уголовного закона, двусмысленности в понимании закона, неоднозначности в трактовке основных терминов;
- повышение эффективности профессиональной подготовки сотрудников полиции, которая не лишена существенных недостатков, особенно в условиях крайнего дефицита кадров.

Список литературы

1. Васильев П. В. О применении теории механизма правового регулирования для решения отдельных проблем оперативно-служебной деятельности сотрудников полиции // Научный портал МВД России. – 2015. – № 4 (32). – С. 102–106.
2. Дамм И. А. Политика противодействия преступности как новая парадигма взаимодействия общества и государства // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2024. – № 17 (1). – С. 12–27.
3. Кутякин С. А. Некоторые аспекты современного состояния разработки понятия «Противодействие преступности» в юридической науке и законодательной практике // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2009. – № 2 (8). – С. 40–51.
4. Хотин О. В. Предупреждение насильственной преступности органами внутренних дел Центрального федерального округа // Вестник Воронежского института МВД России. – 2009. – № 2. – С. 4–9.
5. Щеголева Н. В. Полиция и общество: система и люди // Молодой ученый. – 2013. – № 2 (49). – С. 267–269.
6. Царева Е. С. Проявление насилия в межличностных конфликтах как психологическая проблема // Общество: социология, психология, педагогика. – 2018. – № 6 (50). – С. 44–48; <https://doi.org/10.24158/spp.2018.6.7>.
7. Мирзаева Д. М., Мирзаев М. А. Место и роль полиции в системе правоохранительных органов Российской Федерации // Закон и право. – 2022. – № 2. – С. 68–70; <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2022-2-68-70>.
8. Белякович Е. В. Понятие и пределы правового регулирования // Сибирский юридический вестник. – 2006. – № 4 (35). – С. 3–9.
9. Клименко А. И. Полиция как элемент институционального уровня механизма правовой идеологии в условиях современного политически организованного общества // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 3. – С. 34–36.
10. Хун А. З. Проблемы правового регулирования необходимой обороны в деятельности полиции // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2015. – № 4 (30). – С. 84–87.
11. Тиханова Н. Е. Проблемные аспекты применения оружия в состоянии необходимой обороны // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2018. – № 1 (32). – С. 186–190.
12. Хусаинова О. В. Дефекты в правоприменительной деятельности органов государственной власти: причины, условия, факторы // Актуальные проблемы юридической науки : сборник научных трудов. – Тольятти: ТГУ, 2008. – Вып. 5. – С. 84–95.
13. Сенякин И. Н. Техничко-юридические предпосылки конкуренции норм российского права // Юридическая техника. – 2008. – № 2. – С. 10–17.
14. Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции : монография. – 2 е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма, 2021. – 912 с.

15. Кузнецова Н. Ф. Эффективность уголовно-правовых норм и язык закона // Социалистическая законность. – 1973. – № 3. – С. 29–33.
16. Тихомиров Ю. А. Управление на основе права. – Москва: Формула права, 2007. – 484 с.
17. Гарapon А. Хранитель обещаний: суд и демократия / авт. предисл. П. Рикер; пер. с фр. Г. В. Чуршук; науч. ред. А. И. Ковлер. – Москва: Nota Bene, 2004. – 328 с.
18. Титушкина Е. Ю., Цепелев В. Ф. Правовое обеспечение предупреждения преступлений: проблемы законодательного регулирования и пути решения / Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе : сборник трудов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, 22–23 апреля 2022 г. / отв. ред. В. В. Груздев, Г. Г. Бриль. – Кострома: Костромской государственной университет, 2022. – С. 150–154.
19. Миллюков С. Ф., Побегайло Э. Ф. Актуальные проблемы применения оружия сотрудниками правоохранительных органов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2006. – № 11. – С. 39.

References

1. Vasil'yev P. V. O primeneniі teorii mekhanizma pravovogo regulirovaniya dlya resheniya ot del'nykh problem operativno-sluzhebnoy deyatelnosti sotrudnikov politzii // Nauchnyy portal MVD Rossii. – 2015. – № 4 (32). – S. 102–106.
2. Damm I. A. Politika protivodeystviya prestupnosti kak novaya paradigma vzaimodeystviya obshchestva i gosudarstva // Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnyye nauki. – 2024. – № 17 (1). – S. 12–27.
3. Kut'yakin S. A. Nekotoryye aspekty sovremennogo sostoyaniya razrabotki ponyatiya «Protivodeystviye prestupnosti» v yuridicheskoy nauke i zakonodatel'noy praktike // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. – 2009. – № 2 (8). – S. 40–51.
4. Khotin O. V. Preduprezhdeniye nasilstvennoy prestupnosti organami vnutrennikh del Tsentral'nogo federal'nogo okruga // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. – 2009. – № 2. – S. 4–9.
5. Shchegoleva N. V. Politsiya i obshchestvo: sistema i lyudi // Molodoy uchenyy. – 2013. – № 2 (49). – S. 267–269.
6. Tsareva Ye. S. Proyavleniye nasiliya v mezhlichnostnykh konfliktakh kak psikhologicheskaya problema // Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika. – 2018. – № 6 (50). – S. 44–48; <https://doi.org/10.24158/spp.2018.6.7>.
7. Mirzayeva D. M., Mirzayev M. A. Mesto i rol' politzii v sisteme pravookhranitel'nykh organov Rossiyskoy Federatsii // Zakon i pravo. – 2022. – № 2. – S. 68–70; <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2022-2-68-70>.
8. Belyakovich Ye. V. Ponyatiye i predely pravovogo regulirovaniya // Sibirskiy yuridicheskiy vestnik. – 2006. – № 4 (35). – S. 3–9.
9. Klimenko A. I. Politsiya kak element institutsional'nogo urovnya mekhanizma pravovoy ideologii v usloviyakh sovremennogo politicheskogo organizovannogo obshchestva // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2016. – № 3. – S. 34–36.
10. Khun A. Z. Problemy pravovogo regulirovaniya neobkhodimoy oborony v deyatelnosti politzii // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2015. – № 4 (30). – S. 84–87.
11. Tikhonova N. Ye. Problemnyye aspekty primeneniya oruzhiya v sostoyanii neobkhodimoy oborony // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2018. – № 1 (32). – S. 186–190.
12. Khusainova O. V. Defekty v pravoprimenitel'noy deyatelnosti organov gosudarstvennoy vlasti: prichiny, usloviya, faktory // Aktual'nyye problemy yuridicheskoy nauki : sbornik nauchnykh trudov. – Tol'yatti: TGU, 2008. – Vyp. 5. – S. 84–95.
13. Senyakin I. N. Tekhniko-yuridicheskiye predposylki konkurentsii norm rossiyskogo prava // Yuridicheskaya tekhnika. – 2008. – № 2. – S. 10–17.
14. Luneyev V. V. Prestupnost' XX veka: mirovyye, regional'nyye i rossiyskiye tendentsii : monografiya. – 2 ye izd., pererab. i dop. – Moskva: Norma, 2021. – 912 s.
15. Kuznetsova N. F. Effektivnost' ugolovno-pravovykh norm i yazyk zakona // Sotsialisticheskaya zakonnost'. – 1973. – № 3. – S. 29–33.
16. Tikhomirov Yu. A. Upravleniye na osnove prava. – Moskva: Formula prava, 2007. – 484 s.
17. Garapon A. Khranitel' obeshchaniy: sud i demokratiya / avt. predisl. P. Riker; per. s fr. G. V. Churshukov; nauch. red. A. I. Kovler. – Moskva: Nota Bene, 2004. – 328 s.

18. *Titushkina Ye. Yu., Tsepelev V. F. Pravovoye obespecheniye preduprezhdeniya prestupleniy: problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya i puti resheniya / Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti na sovremennom etape : sbornik trudov Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiyem) nauchno-prakticheskoy konferentsii, 22–23 aprelya 2022 g. / otv. red. V. V. Gruzdev, G. G. Bril'. – Kostroma: Kostromskoy gosudarstvennyy universitet, 2022. – S. 150–154.*

19. *Milyukov S. F., Pobegaylo E. F. Aktual'nyye problemy primeneniya oruzhiya sotrudnikami pravookhranitel'nykh organov // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2006. – № 11. – S. 39.*

Статья поступила в редакцию 17.05.2024; одобрена после рецензирования 27.07.2024; принята к публикации 14.06.2024.

The article was submitted May 17, 2024; approved after reviewing July 27, 2024; accepted for publication June 14, 2024.